

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 25-го Декабря 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10517.

„Христосъ рождается“.

ЗЛОЕ ДѢЛО.

Прошло уже много лѣтъ съ того дня, какъ мнѣ выпало на долю пережить самыи „настоящій“ сочельникъ, т. е., дѣйствительно, такой, какимъ нерѣдко описываютъ его беллетристы - странный, съ ужасными событиями. До сихъ поръ отчетливо помню каждую подробность... Впрочемъ, не буду уклоняться въ сторону и начну мой разсказъ.

Дня за два до Рождества веселымъ шарикомъ вкатился въ мою квартиру дядя Иванъ Петровичъ Янтаровъ. Добротушный холостякъ, всегда въ пестренькомъ костюмѣ, всегда пахнетъ духами. Бритый, подвижной и вообще довольно легкомысленный человѣкъ.

Послѣднее обстоятельство насъ немногого разъединило еще осенью. Дѣло въ томъ, что лѣто дядюшка проводилъ въ своемъ подгороднемъ имѣніи, зиму въ городѣ. И вотъ лѣтомъ увлекся дочерью своего агронома, молодой вдовой, Адой Васильевной, закутилъ, зашумѣлъ на весь городъ и водворилъ, на зло

многимъ старымъ маменькамъ, бойкую, деревенскую красавицу въ своемъ городскомъ домѣ. Было это сдѣлано съ такой циничной откровенностью, а Ада Васильевна, съ мѣста, начала такъ веститься и сорить деньгами, что, признаюсь, меня это покоробило. Тѣмъ болѣе, что сплетни въ городѣ складывались самая невѣроятная. Утверждали, что бойкая вдова имѣла въ деревнѣ романтическую исторію съ сыномъ сосѣдскаго управляющаго Корягинымъ, что этотъ Корягинъ сначала избилъ дядюшку, а потомъ чуть не застрѣлилъ его на охотѣ.

Итакъ, пестренький, смѣющійся и пахнущій духами дядюшка влетѣлъ ко мнѣ, быстро и съ прибаутками рассказалъ всю свою исторію (многія городскія сплетни оказались правдой), напросился на примиреніе и пригласилъ въ сочельникъ отправиться съ нимъ и Адой Васильевной въ имѣніе.

Это такая прекрасная женщина, говорилъ онъ, закатывая свои глазки, бойкая, умная. Она согрѣваетъ мою старость. Рѣдкая женщина! Да вотъ, познакомишься, увидишь.

Признаюсь, я ожидалъ этого приглашенія, такъ какъ дядюшка ежегодно въ сочельникъ отправлялся въ свое имѣніе, устраивалъ тамъ елку, ужины, обѣды и въ веселомъ угарѣ проводилъ Рождество и канунъ Нового года.

Я согласился, и толстякъ съ искренней радостью облобызalъ меня.

Двадцать четвертаго, часа въ три дня, когда небо уже немного посѣрѣло, а по заснѣженнымъ улицамъ скользили легкія тѣни приближающихся сумерокъ, къ моему дому подкатила разудалая янтаровская тройка. Я вышелъ, познакомился съ Адой Васильевной, — улыбалась она мнѣ весело и признательно, — сѣлъ по лѣвой сторонѣ ея, и мы покатили съ веселымъ звономъ колокольцовъ. За нами неслись широкія сани-розвальни, нагруженные всякой снѣдью, кулями и бутылами; тамъ же возсѣдалъ дядюшкинъ камердинеръ, сѣдобородый и согбенный Агафонъ. Поваръ и горничная Парашка, по разъясненію дядюшки, были отправлены въ имѣніе заранѣе.

Иванъ Петровичъ всю дорогу шутилъ и балагурилъ, — старость мимо него проходила. Подымался вдругъ съ хохотомъ,

схватывалъ Аду Васильевну, запрятнную въ свои роскошные мѣха, да тянулъ къ краю саней.

— А вотъ, выброшу на снѣгъ! Станешь бѣлымъ лебедемъ.

Женщина оборонялась со смѣхомъ, а дядюшка, въ концѣ концовъ, терялъ равновѣсіе и, словно тяжелый мѣшокъ, бухался на свое мѣсто.

Ада Васильевна, дѣйствительно, оказалась очень красивой женщиной. Стройная и въ мѣру полная — августовское наливное яблоко. И какъ яблоко, румянная.

Рождество Христово.

Картина Ф. Брюта.

шиается, снѣжная пушинка съ воротника тряхнетъ со сѣду за шею или разными вопросами засыпаетъ и всему смѣется, блестятъ зубы, сверкаютъ черные глаза. Подкупила она меня этимъ Забыть прежнее раздраженіе. Да и дядюшку обвинить нельзя; такая баба и молодому въ находку.

Стемнѣло. Звѣзды сверкнули. Неслись по дорогѣ среди бѣлыхъ полей, звонкими колышками вѣтра сывали пошади тяжелые комья снѣга, и разсыпались они на мед-

„Пустите дѣтей приходить ко мнѣ“.

Картина Германа Зегера.

А губы алые, крѣпкія и знайные глаза брючечки. Ума въ ней особеннаго не замѣтилъ, но была бойкая, такъ и дрожала въ ней каждая жилка, смѣхъ — не экономила, и чувствовалось, — любить сладкую, легкую жизнь, пѣсни,

кутежи, танцы, хмѣльную любовь, вино и тройки съ серебряными звонами колокольцовъ. Но было въ этомъ разгулъ что то здоровое, мужицкое, увлекающее. Настоящая непосѣда. То локтемъ толкнетъ, на улыбку своею улыбкой напра-

вѣжью полость, громадную, легкими серебряными пушинками.

— Колоколъ ольчики, бубенчики звенять, затянула Иванъ Петровичъ юмористическимъ теноркомъ.

Но Ада Васильевна прихлопнула его

Анатолій Федорович Коні.

См. ст. "Забытыя слова" "Южн. Кр." № 10514.

А. фонъ Вассерманъ.

Професоръ Берлинскаго университета, открывший способъ излечения рака.

по губамъ и запѣла сама красивымъ полнымъ голосомъ:

Колокольчики, бубенчики звенятъ,
Про тодушную рассказываютъ быль...
Тройка мчится, комья снѣжные летятъ,
Обдаёт лицо серебряная пыль!
Эхъ! лети, душа, отдайся вся мечтѣ,
Потоните, хороводы блѣдныхъ лицъ!
Очи милыя мнѣ свѣтятъ въ темнотѣ
Изъ подъ черныхъ, изъ подъ бархатныхъ
рѣсницъ!

— Браво! завопилъ дядюшка. Высвободилъ изъ мѣха руку своей сосѣдки и громко поцѣловалъ. Смѣялась.

Проехали постоянный дворъ — большая черная изба съ красными четыреугольниками оконъ. Пахнуло въ лицо крѣпкимъ запахомъ лошадинаго навоза. По-

вернули направо. Теперь уже земля Янтаровская тянулась по обѣ стороны дороги. Скоро и "Янтаровка".

Ада Васильевна вдругъ пріумолкла, склонила голову, въ мѣхъ упряталась. Наклонился я къ ней.

— Колокольцы-то звѣнть, а вы не смѣетесь.

— Грустно вдругъ стало.

— Ну, вотъ, чего выдумали? Что такое?

— Правду сказать?

— Конечно. Грусть вамъ не къ лицу.

— Дядюшкѣ не скажете?

— Могила. Увѣряю васъ. Мы, вѣдь, съ вами теперь хорошиѣ знакомые. Она вздохнула и сказала тихо:

— Вспомнила Корягина... Сгубила парня. Дѣло бросилъ, запилъ, дома, говорили, какъ чортъ ходитъ, на всѣхъ набрасывается. Въ "Янтаровкѣ", вѣдь, все и было. И меня мучилъ. Думала, придетъ и уложить Ивана Петровича, когда онъ меня увозилъ.

— А любилъ?

Женщина подняла на меня загорѣвшіе глаза. Улыбнулась вдругъ сладко, точно вспомнила что, зажмурилась и шепнула тихо:

— Любилъ... Такъ любилъ...

Янтаровскій домъ огнями горѣлъ, и въ избахъ повсюду весело свѣтились окна. Подлетѣли къ крыльцу, вошли въ комнаты, отряхая на полъ снѣгъ серебрянымъ полукругомъ. А въ столовой уже и столъ накрытъ, сѣдѣлъ всякая и напитки, румяная горка пахучихъ постныхъ пироговъ. А въ залѣ елка подъ потолокъ. Ада Васильевна, какъ ребенокъ, запрыгала по комнатѣ, захлопала въ ладоши и бросилась свѣчи зажигать.

— Видишь, какая, — улыбнулся мнѣ дядя. — Пусть себѣ веселится, а потомъ подарочекъ... На лицѣ его появилось лукавое выраженіе.

Прибыли уже и гости. Сосѣдъ помѣщикъ Фендрюковъ, толстякъ съ одышкой, молчаливый, но съ веселыми глазками и ко всѣму любопытный; управляющій Васильевъ, несуразный верзила, въ лакированныхъ сапогахъ. Носъ синій отъ пьянства и рыжіе волосы прядями на лбу; да изъ города частный повѣренный Оберемковъ, дазній другъ дяди, сѣренѣкій старичекъ, анекдотистъ, пересмѣшникъ, любитель говорить въ риѳому. Такъ онъ насъ стихами и встрѣтилъ:

Рождество идетъ,
Счастіе несетъ;
Дай вамъ Новый годъ
Радостный итогъ!

Потирая руки съ морозца, усѣлись мы за столъ вмѣстѣ съ гостями. Зазвенѣли рюмки, застучали ножи, вилки, шумѣли голоса. Поваръ изъ коридора въ дверь заглядывалъ, бѣлобрысая дылда Парашка моталась во всѣ стороны, и даже старый Агафонъ кружилъ вокругъ стола мелкими шажками.

— Не сочельникъ, а настоящее обжорство, — пробасилъ Фендрюковъ, съ жадностью приглядываясь къ ёдѣ.

Новый католикосъ Геворкъ V.

Геворкъ Суренъянъ, избранный 13 декабря на соборѣ въ Эчмадзинѣ католикосомъ всѣхъ армянъ.

А. Н. Бенуа,

вновь избранный ректоромъ академіи художествъ.

— Обжорство требуетъ проворства, — быстро сказалъ Оберемковъ и насадилъ на вилку румяный грибъ.

— Ты что же зѣваешь? крикнулъ дядя управляющимъ. Ну-ка наполни рюмки. А ты, Адочка, пей вино. Хлопнемъ, ребята!

Хлопнули, и все больше и больше расходились Сплошными румянцемъ залились щеки Ады Васильевны. Чокалась со мной, сидѣли рядомъ. Шепнула лукаво, припомнивъ нашъ разговоръ въ пути:

— Вотъ и забыла все! Давайте выпьемъ. Любовь не привяжешь. Да и не любила я.

Шутили, смѣялись, прожевывая пищу, рассказывали анекдоты: поповъ, дядковъ, евреевъ по косточкамъ перебрали.

Громче всѣхъ заливался Фендрюковъ съ дядюшкой, а у Васильева былъ видъ дѣловитый, сизаго носа отъ рюмки не отрывалъ.

Поднялся Оберемковъ,—сѣренкій,—крохотной ручкой пріутюжилъ свою бородку и возгласилъ:

За прелестные глаза,
За улыбку пью хозяйки;
Для души она роса,
Заявляю безъ утайки.

— Ну, ну, ты—потише! захоталъ дядюшка. Я, братъ, ревнивъ, какъ Отелло.

Смѣялись, чокались и усердно уничтожали пухлые пирожки съ постнымъ супомъ. А когда перешли въ залу, къ елкѣ зажженной, развалились на диванахъ и въ креслахъ, закурили, вдругъ вѣжала Парашка и задыхаясь крикнула:

— Ряженые!

— Вотъ тебѣ и сюрпризъ, Иванъ Петровичъ, пробасилъ Фендрюковъ.

— Хорошъ сюрпризъ, отозвался дядюшка. Небось, цѣлую недѣлю его готовили. У меня это каждый годъ.

Онъ важно наступился и сталъ вытаскивать изъ кармана серебряныя дѣнги.

— Пусть войдутъ! буквально запрыгала Ада Васильевна. Вѣдь, можно? И сама бросилась къ дверямъ.

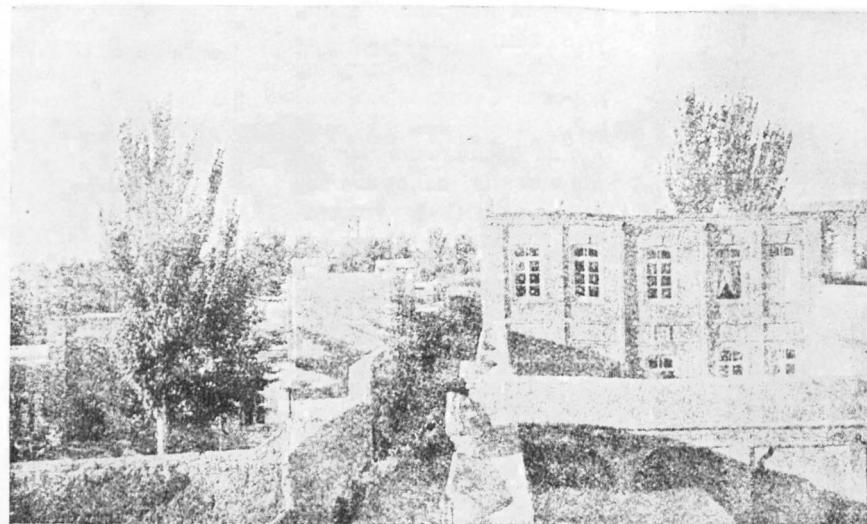
Черезъ минуту пестрымъ полукругомъ столпились въ углу ряженые, были и мужики, а больше ребятишки. Да и какие ряженые! Вывернутые тулуны, маски—ослиныя, медвѣжьи, обезьянъи, или просто рожи, вымазанныя сажей и кирпичемъ.

Хохоту, ужимкамъ и прыжкамъ, по истинѣ, не было конца, потому что каждый старался получше своего звѣря изобразить, ревѣли, хрюкали, приплясывали. А съ лѣваго края, въ какомъ то бѣломъ балахонѣ и въ красной, нелѣпо размалеванной маскѣ, стоялъ высокій парень, стоялъ прямо, неподвижно, но удивительно весело и рѣзво отжаривалъ на ливенкѣ свои пѣсни.

Дядя такъ развеселился, что потребовалъ въ залъ шампанскаго, Фендрюковъ съ Васильевымъ комично приплясывали, а Ада Васильевна съ веселымъ хохотомъ кружилась по залу, а потомъ надѣлила ряженыхъ пирожками, водкой и гриненниками.

Видѣль я, какъ она подошла къ гармонисту. Ясно было, что тотъ, наклонившись, что-то говорилъ ей, а женщина вздрогнула и вдругъ закивала головой. Пирожки такъ и остались на тарелкѣ въ ея рукѣ. Отошла быстро. Показалось мнѣ, что поблѣднѣла, но тогда, увы, я не обратилъ на все это вниманія.

Ушли ряженые, поутѣхъ смѣхъ, но разговоръ попрежнему оставался шутливъ. Оберемковъ, съ частыми присказками и стишками, рассказывалъ о какомъ-то своемъ знакомствѣ въ молодости съ дамой на новогоднемъ балу. Онъ старался всѣхъ увѣрить, что это былъ единственный случай въ его жизни, когда съ серьезно намѣревался жениться.

Видъ Тавриза.

Армянский кварталъ.

Разбойникъ. И еще: не кричать тотчасъ же о помощи, пока я не уйду. Уговоръ пуще денегъ.

Дядюшка посмѣивался, ему вторилъ и массивный Фендрюковъ, а верзила управляющей, чихая, куриль сигару для тона.

Молчавшая Ада Васильевна вдругъ поднялась и сказала:

— Я сейчасъ. Пойду немного оправиться, руки помыть.

— Иди, иди, кивнулъ ей дядюшка головой, а когда женщина вышла, на его лицѣ появилось знакомое мнѣ лукавое выражение.

— Воспользуемся отсутствиемъ, сказъ онъ, и подготовимъ подарочекъ.

Дядюшка вышелъ и скоро принесъ и показалъ намъ въ бархатномъ футляре великолѣпныя бриллантовыя серьги. Всѣ хвалили, и дядюшка пыжился. Сидѣли, ожидали, но прошло полчаса, часъ, Ада Васильевна не возвращалась.

— Чортъ возьми! Что она тамъ дѣлаетъ. Дядюшка засуетился и вышелъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся совсѣмъ разстроенный.

— Нигдѣ нѣтъ. Парашка говоритъ, одѣли шубку и вышли.

— Капризы—маркизы, сказъ Оберемковъ. Что жъ, пойдемъ искать.

Одѣлись, бродили съ фонарями по двору, кричали на всѣ голоса, даже старый Агафонъ кричалъ, но ни звука въ ответъ. Дядя волновался, кашлялъ, обмякъ какъ-то весь и опирался на мою руку. Наконецъ, ктс-то предложилъ посмотреть на террасѣ. Выходила она къ рѣкѣ и зимой была совершенно отрѣзана отъ жилого помѣщенія. Поднялись, скользя, по ступенькамъ, ровно занесеннымъ снѣгомъ, и вдругъ странный и дикій крикъ вырвался у всѣхъ.

Желтыми пятнами скользилъ по снѣгу свѣтъ фонарей, и наполовину въ снѣгу, вытянувшись, какъ стрѣла, на скромѣ мѣху своей шубы, лежала неподвижная Ада Васильевна. На мѣловомъ лицѣ черными кружками застыли глаза, и страшно искривились губы. Лѣвая сторона груди была залита кровью, кровавыя пятна страшно алѣли и на снѣгу.

Всѣ словно замерли на своихъ мѣстахъ. Дядя, какъ пошелъ отыскивать Аду Васильевну съ бархатнымъ футляромъ въ рукахъ, такъ и продолжалъ его держать, только руки прыгали, и смотрѣлъ онъ совсѣмъ безмыслиемъ. Кажется, я первый пришелъ въ себя и бросился къ тѣлу.

Женщина была мертва.

Съ дикимъ крикомъ упалъ Иванъ Петровичъ на колѣни, обнялъ тѣло руками и зарыдалъ.

Я не буду описывать ужасную ночь, которую всѣ мы пережили тогда. Тяжко вспоминать даже теперь.

Въ скромѣ времени все выяснилось. Убилъ Аду Васильевну тотъ самый гармонистъ, который приходилъ съ ряжеными,—сынъ управляющаго, Корягинъ, котораго она бросила. Убийца самъ явился въ городъ съ повинной. Дядюшка, при всей несерьезности своего характера, не перенесъ этой потери и скоро умеръ отъ удара, незадолго до слушанія дѣла въ судѣ.

Много лѣтъ прошло, но и теперь, припоминая это злое дѣло, я удивляюсь, какъ это человѣкъ за полчаса до убийства могъ такъ весело и беззаботно, вмѣстѣ съ ряжеными, отжаривать на гармоникѣ удалыя плясовыя пѣсни, въ двухъ шагахъ отъ намѣченной жертвы...

Ал. Станкевичъ.

